

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ III

Образования империи, места
и истории

Цель: ознакомиться с сопоставительным анализом Кэти Трампенер романов о колонизации Канады «Богл Корбет» Джона Галта и «Жизни девочек и женщин» Элис Манро.

Ключевые слова: Канада, Шотландия, эмигранты, колония.

В данной лекции мы ознакомимся с сопоставительным анализом Кэти Трампенер двух книг о колонизации Канады.

Первая книга – это роман «Богл Корбет» Джона Галта, написанный в начале XIX века и изображающий прибытие в Канаду колонизаторов из Британской империи. Вторая книга – роман «Жизни девочек и женщин» Элис Манро, опубликованный в конце XX века и рассматривающий ту же географическую и культурную местность, что и роман Джона Галта, но с точки зрения уже состоявшейся колонизации.

Шотландцы XIX века, отмечает Кэти Трампенер, были активно вовлечены в Британскую империю в качестве армейских офицеров, администраторов, инженеров, поселенцев и писателей. Джон Галт и Уильям Данлоп в Верхней Канаде, Томас Маккаллок в Новой Шотландии, Томас Прингл в Кейп-Коде и Томас Мак-Комби в Австралии писали литературные произведения о новых колониях Великобритании, создавали новую систему колониальной жизни и популяризовали империю в шотландской литературе.

Писатели XX века, следовавшие шотландской традиции, играли выдающуюся роль в литературной жизни англоязычной Канады; в 1960-1970-х годах Маргарет Лоуренс, Элис Манро, Маргарет Этвуд были восприняты как предвестники новой национальной литературы. При этом, будучи погруженными в шотландские культурные и литературные повествования, Манро и Лоуренс стремились изменить давние шотландские взгляды на саму Канаду.

Два века – два взгляда

В своем исследовании Кэти Трампенер рассказывает о наиболее сложном колониальном романе Шотландии XIX века, полузабытом произведении Джона Галта 1831 года «Богл Корбет, или Эмигранты», противопоставляя его роману Элис Манро. Галт и Манро существовали в самых разных временных, политических и литературных обстоятельствах, поэтому, описывая одну и ту же область современного Онтарио, изображают ее по-разному.

Герой романа «Богл Корбет» Галта переезжает в Канаду в попытке избежать политических и исторических катаклизмов: он бежит от политических волнений на плантациях Ямайки, от социальных преобразований, сопровождающих индустриальную революцию в Шотландии, от провала политики якобинцев. Однако полученные переселенцами травмы от пережитого в империи продолжают преследовать их в новой колонии. «Богл Корбет» олицетворяет собственное участие Галта в реализации имперской политики и развивает далеко идущую модель имперского обмена, сознания и вины.

Интерес Манро меньше проявляется в имперской морали, и гораздо больше – в колониальном самосознании и эпистемологии, поскольку они формируют современную жизнь и потенциально осложняют националистические или пост-колониальные представления о культурном возрождении.

Мнения Галта и Манро наслаиваются друг на друга, но они асимметричны. Эта асимметрия отражена в детализации деятельности Галта как «колонизатора» в Верхней Канаде, подчеркивающей сложность его исторических обстоятельств, мотивов его поступков и отношений с британской и колониальной властью. Если административная работа Галта в Верхней Канаде может стать примером колониального идеализма в Шотландии, то его неудачи и разочарования позволяют определять «Богл Корбет» как антиимперский роман.

Манро адаптирует и переделывает роман Галта, косвенно присоединяясь к его позиции в трактовке взаимоотношений между историей и неврозом, временем и местом, империей и нацией.

Колонизация Онтарио

Джон Галт прибыл в Верхнюю Канаду в 1826 году с целью контроля развития Гуронского участка, миллиона акров в основном необитаемой, ранее не обследованной земли, прилегающей к озеру Гурон. Назначенный первым директором акционерного общества «Канадская Компания», Галт отплыл в Северную Америку, осмотрел ранее существовавшие поселения в северной части штата Нью-Йорк, а затем начал разрабатывать Гуронский участок. В День святого Георгия в 1827 году Галт основал Гуэлф как новый город компании, в шестидесяти милях к западу от нынешнего Торонто. Вскоре после этого на берегу озера Гурон Галт основал еще один город – Годерич.

4 августа 2008 года Гуэлф отпраздновал свой ежегодный День Джона Галта. Но до рассвета анархисты выплеснули красную краску на статую Галта. Выраженный таким образом протест против Галта объяснялся тем, что поселение «Канадской Компании» принесло огромный вред коренному населению. Джон Галт активно участвовал в этом процессе и способствовал геноциду невообразимых масштабов. Галт писал о том, как он торжественно срубил первое дерево для основания города Гуэлфа: «Дерево упало с грохотом накапливаемого грома, как если бы древняя природа встревожилась при входе в ее невинное одиночество человека с его печалью, глупостями и преступлениями». Анархисты, облившие краской статую Галта, пояснили, что «Празднуя день Джона Галта, следует отмечать и начало колонизации и геноцида среди прочих преступлений европейских мужчин».

Такая риторика местных жителей позиционирует Галта как участника и проводника политики геноцида, канадского Христофора Колумба. Как показывает описание вырубki деревьев в его «Автобиографии», Галт не был наивным мемуаристом, нуждающимся в пост-колониальном прочтении, чтобы объяснить неосознанные подтексты колониальной вины. Он был озабочен историческим смыслом империализма и психологическими последствиями, которые он оказывал на людей. Занимаясь практической работой по планированию, геодезии и строительству в Верхней Канаде, Галт сообщил своему лондонскому издателю, что он подготовил роман о Верхней Канаде, предварительно названный «Поселенцы, или Рассказы о Гуэлфе». Роман стал самым откровенным и содержательным размышлением Галта о британском имперском проекте; он повествует о создании злополучного поселения в Верхней Канаде.

Позже, находясь в тюрьме должников, Джон Галт подготовил два контрастных романа о шотландской эмиграции в Северную Америку, один из них «Богл Корбет».

Взятые вместе эти романы представляют собой парадоксальную коду, которую Галт коллективно назвал «Сказками Запада». Новая последовательность романов Галта измеряет как бы «глубину и широту» региональной истории, описывая важнейшие исторические события с точки зрения различных социологических, временных и геополитических перспектив. В его романах описываются ключевые события с точки зрения заинтересованных сторон, определяемых оккупацией, классовой и политической идеологией. В целом эта серия рассказов создает многогранную мозаику событий. Автор задумывается о месте и роли Шотландии в истории новых земель, менталитете и системе ценностей эмигрантов. Он ставит под сомнение место Шотландии – и ее будущего – в мире.

В трактовке «Сказок Запада» Шотландия одновременно стала ранней жертвой и экономическим узлом зарождающейся империи Британии. В «Родовом имени» (1820) Галт описывает Союз Шотландии с Британией и шотландские опасения XIX века о культурном, политическом и экономическом бесправии, как последствия катастрофической попытки Шотландии создать свою центрально-американскую колонию. Линии снабжения колонии Дариен, перерезанные англичанами, развалились, что ускорило крах шотландской экономики, и, с точки зрения Галта, принятие Акта об унии. Так, стремление Шотландии стать имперской державой парадоксальным образом свело ее саму к фактическому статусу колонии.

В романе «Богл Корбет» Шотландия выступает как часть всемирной имперско-промышленной цепи. Будучи рожден на Ямайке в семье шотландского плантатора, Корбет достиг совершеннолетия на текстильных фабриках равнины, где ткачи-якобинцы непреднамеренно ускоряют промышленную революцию, но не могут подготовить революцию внутреннюю. В

последней трети романа он сопровождает в Верхнюю Канаду переселенческую партию политически разочарованных ткачей-якобинцев.

Когда эмигранты приближаются к североамериканскому континенту, их корабль сталкивается с огромным айсбергом. На первый взгляд, его замороженная возвышенность символизирует холодную, непостижимую, нетронутую необъятность Канады. В романических зарисовках Галта Канада изначально представляет собой место новых начал и утопического обновления, предлагая прибежище для политических диссидентов.

Жители старой империи и участники революционных потрясений прибывают в Верхнюю Канаду в надежде обрести условия для того, чтобы начать жизнь заново. Тем не менее, они уже несут с собой травмы прежнего угнетения, омраченные разочарованием несбывшейся мечты и глубоким моральным истощением.

Отпечатки империи

Внутреннее беспокойство Корбета, погребенные страхи восстания и стремление к восстановлению классовых различий станут камнем преткновения в новом поселении Верхней Канады. Как старые знакомые и старые революционеры, поселенцы отказываются подчиняться воле Корбета. Некоторые, соблазненные идеей представительного правительства, отказавшись от британской колонии в пользу американской республики, превентивно устраивают то, что Корбет назовет «мятежом».

Перед отъездом из Шотландии поселенцы решили построить деревню и жить «в общине». Теперь, очищая землю от диких чащоб, многие начинают верить, что их труды дают им право на свои фермы. Корбет, настаивают они, не имеет морального права распоряжаться коммунальной собственностью, поскольку (цитирую) «эта дикая страна была тайной для индейцев, которые имеют наибольшее право на землю, если хоть кто-то вообще имеет право на нее». С точки зрения якобинцев, власть Корбета имеет мало оснований; в Северной Америке частная собственность строилась на экспроприации.

Когда Корбет борется с попытками переселенцев достичь свободы и добивается их подчинения, он сам попадает в сети парализующей «депрессии», разрушив не только их старые мечты о суверенном равенстве, но и свои собственные идеалы.

Как и многие романы Галта, «Богл Корбет» выражает самообман, недобросовестность рассказчика и его ложные представления. Порождение – и все чаще инструмент – империи, Богл Корбет становится опустошенным, озлобленным, но одновременно и терзаемым чувством вины человеком. Вопреки мечтам эмигрантов, Канада не может стать для них новым началом в жизни, поскольку их переселение – это просто перемещение на новое место прежнего имперского неравенства, насилия и чувства вины.

В романе Галта исследуется сложное геополитическое наложение колониального и исторического опыта. Как показывает «Богл Корбет», противоречия колониального опыта требуют новых механизмов для исторической амнезии, – и развивают чувство вины, и, следовательно, болезненное толкование покорения колониальных земель. Тем не менее, Галт меньше интересуется историей Канады и выселения коренного населения, чем её способностью служить в качестве промежуточной площадки и социальной лаборатории для решения нравственных проблем, порожденных империей.

Верхняя Канада важна для Галта не как экономическое звено в имперской или капиталистической экономике, а как непаханое поле, изолированная пустая сцена, на которой поселенцы, прибывшие из старых частей империи, теперь могут вновь разыграть укоренившееся имперское, запятнавшее себя социальное развитие.

В Верхней Канаде история только повторяется в символическом повторении битв, происходивших в другом месте – в Британской империи. Омраченная этой предшествующей историей, колония не может развить автохтонную историю.

Канадское возрождение

Всплеск канадского национализма 1960-х и 1970-х годов сопровождался литературным бумом, характеризующимся возрождением исторической литературы с использованием повествовательных шаблонов, созданных Вальтером Скоттом. Чтобы охватить весь спектр канадского исторического опыта, писатели Канады реанимировали колониальные литературные источники, ставя под сомнение адекватность переданных документов и колониальных архивов.

Канадские ученые начали заново открывать колониальную литературную историю, переиздавая основные литературные произведения XIX века. Новая канадская библиотека Макклелланда и Стюарта фактически создала новый канадский литературный канон, а также новый академический канон. Переиздание романа «Богл Корбет» в 1977 году было осуществлено с серьезными сокращениями. Лондонский оригинал 1831 года включал три тома; переиздание состояло исключительно из третьего тома. Не обращая внимания на отражение в оригинале связи Канады с другими имперскими колониями (Ямайкой, Шотландией, Индией), Новая канадская библиотека выпустила «Богл Корбет», касающийся исключительно канадского опыта, но в таком усеченном издании книга оказалась почти непонятной.

Шотландская читательская публика XIX века считала Канаду местом, откуда не возвращались уехавшие родственники, а иногда и целые местные общины. Это была страна фантазии и мечты, но, прежде всего, место потери. Как и шотландский литературный национализм, канадский литературный национализм середины XX века осознал, что долгое время он являлся объектом упрощенного или депрессивного изображения. Канада, наконец, была представлена не как пустота или дальняя могила, но как место реальной жизни, достойное литературного внимания.

Новый взгляд

Предки Элис Манро мигрировали в Верхнюю Канаду из Шотландии в 1818 году и начиная с 1840-х годов обустроились на Гуронском участке.

В романе 1971 года «Жизни девушек и женщин» Манро не только развивает своеобразную вариацию галтского летописного романа, но и размышляет над историографическими проблемами в представлении истории общины. В одной сюжетной линии романа Манро исследует концентрический мир героини. В другой сюжетной линии роман увековечивает соседей, родственников, друзей, чьи характеры и жизненные взгляды последовательно, совокупно формируют сознание героини Дель, восстанавливая хронологию дискретных исторических микро-периодов (Депрессия, Вторая мировая война, 1950-е годы), пережитых с точки зрения провинций, якобы удаленных от всемирно-исторических событий. Во временном разрыве между главами роман подчеркивает ограничения собственных претензий к историческому освещению описываемых событий.

Дель проводит свое раннее детство на Флэтсруде, полусельской безлюдной земле. Ее отношения с миром осложняются беспокойством о ее собственном статусе полу-пари и сомнениями в своем интеллектуальном праве писать.

Жизненно важным этическим и эстетическим аспектом является проблема предоставления литературного голоса тем, кто не может описать себя сам. Манро защищает погружение Галта в региональную историю; Дель остается скептической. Ключевая глава описывает навязчивую попытку Крейга, бывшего клерка города, составить сборник ретроспективных летописей церковного прихода, раннюю историю округа. Поглощенный своим замыслом, Крейг взваливает всю тяжелую домашнюю работу и содержание семьи на своих сестер. Перед смертью он оставляет Дель свой так и не оконченный шедевр, надеясь, что она завершит его. Не желая подчинять свою писательскую энергию его видению истории, Дель относит его рукопись в подвал, где из-за сырости она становится неразборчивой и уже не подлежит восстановлению.

Если этот пропитанный сыростью манускрипт разжигает чувство вины, то роман «Жизни девушек и женщин» – роман Дель – предлагает расширенную историю поселений по следам,

проложенным Крейгом. Однако это не политическая и экономическая история, а история частных жизней женщин.

Дед Крейга назвал город в честь человека, убитого деревом. В деревне Гурон в XIX веке один из членов семьи Манро был убит падающим деревом; в своих произведениях Манро неоднократно обращается к этому эпизоду, парадигматическому для проблем памяти и реконструкции. История, настаивает Манро, происходит везде и со всеми, независимо от того, считаются ли их жизни достойными описания. Роман «Жизни девушек и женщин» представляет собой соперяющую, коллективную, возмещающую хронику в традиции «Элегии, написанной на кладбище деревни» Томаса Грея, представляющей «короткие и простые летописи бедных», или в традиции «Летописи» Галта, в которой автор размышляет о логике, отчаянии и достоинстве провинциальных жителей.

Роман «Жизни девушек и женщин» задумывался в русле южной готики (в традиции Фолкнера, О'Коннора, Харпера Ли) и исторических романов (в манере Маргарет Митчелл). Однако повествовательная форма и хроникальность Манро подвержены влиянию экспериментальных форм шотландского романтизма, попыток шотландских романистов реанимировать идеи шотландского Просвещения с хроникальным изложением истории, чтобы соотнести культурные и исторические масштабы времени.

Манро в своем произведении предпринимает попытку создать всеобъемлющее, многогранное исследование. Как и Галт, она одновременно и погрузилась в местную историю (изучая дневники, хроники и газеты), и попыталась отойти от местных реалий, охватывая действием романа гораздо более широкие перспективы. Роман Манро выходит за рамки националистического чувства канадской местности, чтобы показать неразрывную связь событий местного и трансатлантического масштабов.

Отпечатки пост-колонии

Богл Корбет отправился в Канаду в поисках завершения истории, спасения от исторических и экономических катаклизмов, системы плантаций, промышленной революции. Тем не менее, он носит эту всемирную историю с собой, воссоздает ее в Новом Свете и заканчивает историю собственной жизни, погруженный в себя. В ледяном сердце Канады Корбета – белая пустота, отражающая моральную пустоту имперской, индустриальной Европы.

Анархисты, которые бросали бомбы с краской в статую Галта, целились не в того человека, считает Кэти Трампенер. Автор романа «Богл Корбет» очень внимателен к природе, к влиянию погоды, климата и сельской местности на мировоззрение человека. Верхняя Канада Галта функционирует, прежде всего, как аллегорическое зеркало, символизирующее неспособность поселенцев расстаться со своим прошлым, что предопределило их неудачи на новом месте жизни.

Пройдясь по той же географической и литературной почве почти 200 лет спустя, Манро находит приукрашенный, богатый, наполовину похороненный отчет о человеческой жизни, летописные микро-истории церковного прихода.

Галт и Манро по-разному обрабатывают историю и исторические свидетельства, однако пути их пересекаются. В них обнаруживается немалая связь, так же, как и связь между колониальной и пост-колониальной литературами.

К. Трампенер предполагает, что как колониальная, так и пост-колониальная литературы достигают своей наибольшей глубины не тогда, когда они отказываются от изображения центральных мировых событий, а когда они рассматривают отдаленные от центра местности как эхо-камеры, совмещая множество историй и повествовательных традиций. Связь между литературой метрополии и колониальной и постколониальной литературами не может представлять собой ни прямую линию родства или происхождения, ни полное опровержение друг друга.

Галт и Манро думают об описываемой местности, исходя из моделей, которые предоставляют более ранние тексты, но их интерес заключается в использовании нереализованных в этих текстах формальных, лингвистических, политических и философских возможностей.

Более того, в случае Галта «колонизатор» одновременно выступает резким критиком империи и проводимой ею политики. Галт изображает Канаду пустой. Манро, в свою очередь, старается ухватить не содержание романа Галта, а его формальные нововведения, не его непонимание, уклонение или замалчивание истории Канады, а множество возможностей, которые открывают его романы для местной истории, корректирующей, сложной историографии и новых форм художественного осмысления.

На следующей лекции мы будем говорить об эссе Чжечоля Кима «Национальное мессианство и английские топонимы в «Короле Лире».

Вопросы для закрепления темы:

1. В чем состоят, по мнению Кати Трампенер, точки пересечений выбранных для анализа романов?
2. В чем суть исторического взгляда Джона Галта на природу эмиграцию и ее успех или неудачу?
3. Что позволяет рассматривать роман Элис Манро как пост-колониальный роман?

Литература:

1. Trumpener Katie. *Bardic Nationalism: The Romantic Novel and the British Empire*. – Princeton: Princeton University Press, 1997.
2. Trumpener Katie. *The Peripheral Rise of the Novel, in Liam MacInveray and Raymond Ryan// Ireland and Scotland: Culture and Society 1707-2000*. – Dublin: Four Courts, 2005.
3. Galt John. *Bogle Corbet*. – Toronto: McClelland & Stewart, 1977.
4. Munro Alice. *Lives of Girls and Women*. – New York: New American Library, 1983.
5. Thacker Robert. *Alice Munro: Writing her Lives. A Biography*. – Toronto: McClelland & Stewart, 2005.
6. Timothy, H. B. *The Galts: A Canadian Odyssey. Vol. I: John Galt: 1779-1839*. – Toronto: McClelland & Stewart, 1977.